

тен, до сих пор отсутствует собрание его сочинений. Архив Г. хранится в Краевом музее истории лит-ры, искусства и культуры Алтая (Барнаул) и Музее русской культуры Русского исторического общества в Америке (Сан-Франциско).

Соч.: Слабые струйки. Омск, 1908; Автобиография // Клейнборт Х. М. Очерки народной лит-ры (1880–1923). Л., 1924; Из моей жизни // Зарницы. 1925. № 1; Былина о Микеле Буяновиче в трех сказаниях. Париж; Нью-Йорк, 1924; Волчья сказка. Чураевка, 1924; Алтай, жемчужина Сибири. Чураевка, 1927; Гонец: Письма с Помпеярага. Нью-Йорк; Чураевка, 1928; Русская песня. Чураевка, 1934; Первая любовь. Чураевка, 1936; Купава. Роман одного художника. Southbury, 1936; Радонегга: Сказание о неугасимом свете и о радужном знамени жителя преподобного Сергея Радонезского. Чураевка, 1938; Златоглав: Эпическая сказка XX в. Чураевка, 1939; Егоркина жизнь: Автобиография. Чураевка, 1966; О себе // Возрождение. 1957. № 70; Чураевы (Избранное) / сост. и послесл. Н. Н. Яновского. Иркутск, 1982 (Лит. памятники Сибири); То же. Иркутск, 1991; Гонец. М., 1996. (Из личной библиотеки Рерихов).

Лит.: Е. В[атман-Орлова Е. Г.] Г. Д. Гребенщиков // Сибирские вopr. 1912. № 26; Боженко К. Г. Г. Гребенщиков // Журнал для всех. 1918. № 1; Правдухин В. Чураевы // Сибирские огни. 1922. № 5; Азодовский М. К. Сибирь в худож. лит-ре. Иркутск. 1927. Вып. 1; Переписка М. Горького с Гребенщикоим // М. Горький: Материалы и исследования. Л., 1934. Т. 1. С. 268–273. (Лит. архив); Жернакова-Николаева А. Баян Сибири // Возрождение. 1956. № 52; Мавский В. Г. Д. Гребенщиков: К 50-летию лит. деятельности // Там же. 1956. № 58; Изотова А. Г. Д. Гребенщиков // Простор. 1966. № 10; Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1; Трушкин В. П. Пути и судьбы: Лит. жизнь Сибири. 1900–1917. Иркутск, 1972. С. 250–279; Кереева-Канафиева К. Русско-казахские лит. отношения. Алма-Ата, 1975. С. 232–244; Баланшин Л. Шаман в лаковых ботинках: Г. Д. Гребенщиков // Современник. Торонто. 1976. № 30–31; Яновский Н. Н. На переломе: Из лит. прошлого Барнаула. Барнаул, 1978; Рожкова С. П. Крестьянский рассказ в дореволюционном творчестве Г. Д. Гребенщикова // Развитие повествовательных жанров в лит-ре Сибири. Новосибирск, 1980. С. 64–88; Очерки русской лит-ры Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1; Забелин П. Первое издание соч. Г. Гребенщикова // Сибирские огни. 1983. № 7; Сергеев С. Душой богат, но долей сир... // Алтай. 1991. № 5. С. 148–154.

М. П. Лепехин

ГРЕБНЕВ Анатолий Григорьевич [21.3.1941, с. Чистополье Котельничского р-на Кировской обл.] — поэт.

Родился в семье потомственных крестьян. Отец погиб в авг. 1942 под Ржевом. Мать одна растила четверых детей. После сельской

десятилетки Г. закончил Пермский медицинский ин-т (1959–65). Работал в сельской больнице Кировской обл., продолжает работать врачом в Перми. Заочно окончил Лит. ин-т им. М. Горького (1970–76), занимался в семинаре Д. М. Ковалева. С 1978 — член СП России.

Стихи начал писать еще в школьные годы. Учась в мединституте, печатался в многотиражке «Медик Урала». «Врачебная» тематика и «хищный глазомер» Г.-хирурга (Золотцев Ст.— С. 29) добавляли его перу внутреннюю экспрессию, динамику и остроту чувства. Первые поэтические пробы Г. были благосклонно восприняты В. П. Астафьевым. Знакомство в начале 1970-х с В. Н. Крупиным (ставшим близким другом и духовным сподвижником поэта) определило круг единомышленников Г. в лит-ре, среди которых В. Распутин, В. Белов. Поэт признавался, что в свое время для него «откровением были „Привычное дело“ и „Деньги для Марии“, что благотворно повлияло на него и знакомство с А. Передревым, Ст. Куняевым, В. Соколовым, В. Кожинным» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ).

В 1972 выходит первый сб. Г. «Приволье», в который вошли поэма «Бессмертник» и стихи о детстве и родном Чистополье, о доме и матери, о погибшем отце, о родной природе. Они кажутся предельно простыми и безыскусными: «Косить-косить / и от восторга ахать, / косить-косить / в разымчивости сил — / чтобы дымилась жаркая рубаха, /

А. Г. Гребнев

чтоб видно было — / это ты косил!» («Сенокос»). Но за простотой прочитывалась глубина мысли и чувства. Поэма «Бессмертник» — воспоминания лирического героя о том, как он искал могилу отца, что при этом испытал и пережил. Братская могила в деревушке Полунино под Ржевом, в которой среди десяти тысяч солдат покоится отец Г., — одно из самых глубоких его жизненных потрясений. К теме войны Г. обращается в стих. разных лет: «Как будто какая-то сила, / под сердцем схлестнув времена, / у братской безмолвной могилы / рывком остановит меня...» («Отец», 1977).

В предисл. к сб. «Приволье» Д. Ковалев отмечал «цельность чувства и памяти... Есенин, конечно, дает о себе знать, как учитель, в стихах А. Гребнева. Но не только Есенин — и Прокофьев, и, пожалуй, Твардовский. Это все, хоть и резко разное, но близкое ему по характеру, по духу... налицо свежесть, поиск, творческое беспокойство» (Ковалев Д.— С. 4). Продолжение «твардовской» традиции в лирике Г. проявляется в том, что в основе поэтического мира Г.— личная ответственность за все, что творится на родной земле. «Эта традиция, заложенная Некрасовым, Кольцовым, Никитиным, исходит... прежде всего из естественного отношения к земле... как к кровной родной стихии, матери-кормилице» (Золотцев Ст.— С. 16). Образ русского поля — сквозной в лирике Г., связующий почти все ее мотивы и интонации — от сугубо лирических, глубоко интимных до эпически широких, философски пронзительных. Через много лет, обращаясь к своим современникам, он напишет: «Глянь с холма в небывалый дотол / Синь-простор, поражающий глаз: / Вот оно, наше поприще — поле! / Все зависит сегодня от нас» («Ровеснику», 1980). Имя Г., по утверждению В. Курбатова, «находится в высоком ряду тех крепких имен русской поэзии, творчество которых стало альтернативой искусственному беспамятству и отвлеченным общечеловеческим „ценностям“» (Курбатов В. Улавливая дрожь земли // Звезда. Пермь. 1991. 21 марта).

Вторая книга стихов Г.— «Родословная» (1977). Образы Г. исполнены внутренней экспрессии, часто движимы метафорой, рождающейся из живой речи, из воображения художника: «Промотала осень золото. / Осталось серебро...» («Промотала осень золото»), «...гулял июль, как сват хмельной» («Июль»), «... в пляс ударилась метель...» («Было глухо. Было тихо») и т. д. Органичны у Г. и севернорусские и уральские диалектизмы, и ритмика плясовой песни, и ритмика частушки.

В книге «Зеленый колокол» (1978) стихи подкупают своей жизненной фактурой, достоверностью деталей. Философичность поэзии Г. не умозрительна, она органична для всего строя его стиха. Г. нередко обращается к трехстопному амфибрахию, используя различные семантические традиции, исторически «отложившиеся» в размере (см.: Мерлин В.— С. 66). Так, тема осени, характерная для «элегического» амфибрахия, приобретает в стихах Г. «героическую» окраску, ибо наполнена мотивами прозрения, обретения истины, связана с «импульсом преодоления» («Покамест до крайней отсрочки...», «Пустеют поля постепенно...», «Октябрьский туман шалопутен», «Устала месить непогода...»). Г.-поэт тонко чувствует эту возможность объединения двух эмоциональных окрасок, заложенную в самом размере.

Жанровое разнообразие ранней лирики Г. свидетельствует о тяготении его музыки к традиционному песенному началу. Это и заливчатая частушка, и плясовая, и застольно-лирическая, и историческая песня с ее широким повествовательным контекстом. «И чернели они, коченея, / зарастали быльем до костей — / самых дальних времен печенеги, / печенеги новейших мастей. / ...Ну а песня над полем живая / нарастает, / взлетает, / плывет — / это поле мое вызревает, / это русское поле живет!» («Песня в поле», 1977).

О наступлении зрелости, подведении первых итогов — четвертая книга стихов «Круговорот» (1980). Мотив ветра — кружащего и вздымающего все в природе, в истории, в душе — ведущий мотив сб. «Век свистит, наши дни торопя...» («Мать»), «Мчит время без спуска!...» («Не жди Покрова»). Скорее чувствуя, чем осознавая «жуткость» неведомой свободы, поэт становится предвестником грядущих перемен в судьбе родины: «Куда-то все прежнее делось, / как будто споткнулась душа: / по-старому песня не пелась, / по-новому песня не шла...» («Куда-то все прежнее делось»). В эпоху глобальной урбанизации, когда ломались судьбы, рубились корни, поэт берет на себя бремя вины и ответственности и за исчезающие деревни, и за забытые русские песни, и за «вымирающую птицу — знаменитую гармонию». «Возвращение» можно назвать поэтическим «Прощанием с Матёрой». В небольшом стих.— трагедия тысяч Матёр, Гвоздков. Поэт убежден, что «назвать неперспективной деревню — словно назвать неперспективной жизнь... Вот почему „Наперекор всему на свете, твоя опора, / боль, / судь-

ба — / В полузабытом поле светит / Неперспективная изба!» (Панина Н.— С. 89).

Сб. **«Храм»** (1991) — итог духовного и поэтического развития автора. Мотив веры скрепляет в единое худож. полотно стихи прежних лет и новые произведения поэта. Заглавный образ храма многозначен: «Кто скажет, что храм уничтожен? — / Старинная кладка жива, / Фундамент глубок и надежен, / Чтоб вновь вознеслись купола! / И словом, подвластным пока мне, / Я кличу товарищей рать: / Не время оплакивать камни — / Пора их опять собирать!» (**«Храм»**). По мнению ряда исследователей (Курбатова В., Злыгостевой Н. и др.), христианская символика не случайный элемент в творчестве Г. При всей «советскости» жизненного пути миропонимание и мироощущение Г.-поэта глубоко, исконно христианское. Свидетельство тому — в самом типе отношения поэта к миру, ощущение иерархичности жизни, ее подчиненности высшему смыслу, настойчиво манящему родным полем («Я полем шел по бездорожью, / пустынной волею влеком...»), родной песней, с которой душа «далёко уходит» (**«Русская песня»**, 1977), той «подспудной сутью красоты» (**«Дымковская игрушка»**, 1985), что разлита по просторам милой родины.

Начало 1990-х — период творческого подъема и широкого признания поэта. Выходят 2 новых сб. стихов и поэм (**«Возвращение»**, 1991; **«Колокольчика вятского эхо»**, 1995). С 1985 Г.— член правления Пермской областной писательской организации, в 1989–96 — руководитель лит. объединения при Пермской писательской организации. Более десятка песен на стихи Г. написано Г. Заволокиным, вятскими и пермскими композиторами А. Трухиным, В. Салмаковым и др. «Румяная кустодиевская муза» Г. (В. Курбатов) по-прежнему не расстается с частушкой. Г.— не только мастер и почитатель этого жанра «быстрого реагирования», но и заботливый собиратель и хранитель. В 1992 в Перми выходит сб. «Ты играй, гармонь моя! Прикамская частушка», сост. которой был Г.

В автобиографии Г. писал: «Все мои сборники — это одна книга стихов — углубление и расширение (отнюдь не самоповторение!) линии, намеченной в первой книге: судьба русской деревни, ее людей на исторических переломах России, человек в природе, в любви». В поэме **«Голос матери»** (1991) поэт открыто декларирует верность этому принципу: «Я душу не смог переделать...» Освещающая выход сб. «Колокольчика вятского эхо», В. Курбатов отмечал: «Тут обрыв глубже одной судьбы... вся русская лирика, с Есенина

оплакивающая деревню, сказавшая столько горестно-прощального в стихах А. Прасолова, А. Передреева, Н. Рубцова, кажется, не с одной деревней прощается. Похоже, что тут больше слышен гоголевский томительный вопрос: „Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?“» (Курбатов В. Как вчера, как завтра // Лит. Россия. 1997. № 6. 7 февр.). Поисками ответа на этот извечный русский вопрос движим лирический герой книг Г. **«Родины свет»** (2001) и **«Берег родины»** (2003).

Г.— лауреат премии ж. «Москва» (1997), премий Пермской обл. за книги «Колокольчика вятского эхо» (1996) и «Родины свет» (2002).

Соч.: Приволье. Пермь, 1972; Родословная. Пермь, 1977; Зеленый колокол. М., 1978; Вечно живой. Пермь, 1980; Задевая за листья и звезды. М., 1984; Круговорот. Пермь, 1980; Береза. Иволга. Звезда. Пермь, 1985; Черемуховый холод. Пермь, 1988; Чистополье. М., 1988; Возвращение. Пермь, 1991; Храм. М., 1991; Колокольчика вятского эхо. Киров, 1995; Родины свет. Киров, 2001; Берег родины. Пермь, 2003.

Лит.: Ковалев Д. Стихи, которым доверяешь: [продисл.] // Гребнев А. Приволье Пермь, 1972. С. 3–4; Ковалев Д. Анатолий Гребнев // Истоки: альм. М., 1977. С. 136–137; Мерлин В. Семантические традиции трехстопного амфибрахия в творчестве А. Гребнева // Лит-ра и фольклор Урала: сб. науч. трудов. Пермь, 1979. С. 65–71; Гринберг И. Два крыла лит-ры. М., 1982. С. 349–351; Золотцев Ст. Нет в поэзии провинций. М., 1986. С. 16–18, 29–31; Злыгостева Н. Живая вода поэзии Анатолия Гребнева // Лит-ра в школе. 1994. № 5. С. 85–88; Панина Н. «Родимые сердцу пределы»: Урок о творчестве поэта А. Гребнева // Лит-ра в школе. 1994. № 5. С. 87–90; Крупин В. Застойные времена: рассказ // Роман-газ. XXI в. 1999. № 6. С. 93–96; Мясников Н. Пора творческой зрелости: К 60-летию А. Гребнева // Кировская правда. 2001. № 42. 20 марта. С. 4; Курбатов В. Высокие облака // Дни и ночи: Альм. Красноярск, 2002. С. 209–211.

Т. В. Рябова

ГРЕКОВА И. (настоящее имя Елена Сергеевна Вентцель, урожденная Долгинцева) [8(21).3. 1907, Ревель (ныне Таллин) — 15.4.2002, Москва] — прозаик.

Родилась в семье учителей. В 1929 окончила физико-математический ф-т ЛГУ. В 1935 переехала в Москву. Долгое время занимала руководящие должности в летно-испытательных НИИ. С 1935 по 1968 работала в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского, в 1968–86 — в Московском ин-те инженеров транспорта (МИИТ). Доктор технических наук (1954), профессор